

Он сказал:

— Помнишь, я рассказывал тебе о своём прошлом? Есть одна вещь, которую я не сказал. Моя мать умерла, потому что перед операцией её посетила госпожа Цинь. Изначально шансы на успех операции были высоки, мы были за границей, не вмешивались в их дела и никогда не думали возвращаться, чтобы что-то отобрать. Но эта женщина не могла оставить её в покое.

— Цинь Юйтянь знал об этом, но что он сделал? Ничего. Он даже осмелился сказать мне, что всю жизнь любил мою мать, это отвратительно. Я потерял единственного близкого человека, как семья Цинь может жить так спокойно? Я не могу с этим смириться.

Он сел на кровать, внимательно глядя на профиль Шэнь Мяня, и в его холодных глазах появилась мягкость. Он тихо сказал:

— Шэнь Шубай, знаешь, я изначально тебя ненавижу. Из-за Цинь Юйтяня я ненавижу таких, как ты, которые везде оставляют следы, но никогда не берут ответственность. Я согласился сотрудничать с тобой только для того, чтобы отец и сын Цинь поверили, что я вернулся ради съёмки фильма.

Он поднял подбородок Шэнь Мяня и медленно провёл пальцем по его гладкой коже.

— Но я сильно недооценил твою привлекательность. Когда я увидел, как Цинь Чжэн любит тебя, я только смеялся, но не ожидал, что сам попаду в эту ловушку.

Он наклонился, чтобы поцеловать Шэнь Мяня, но тот отвернулся.

Цинь Мо не разозлился, а лишь тихо засмеялся.

— Ты злишься? Шэнь Дао, неприятно, когда тебя обманывают, правда? Я тоже это чувствую. Я предупреждал тебя, я не из тех, кого можно просто задеть. Если ты связался со мной, то не думай убежать.

Он резко прижал Шэнь Мяня к кровати, стакан с горячей водой выпал из его рук и разбился на полу.

Цинь Мо оставался равнодушным, крепко держа руки Шэнь Мяня над головой и легко расстегнув пуговицы его рубашки.

В комнате было темно, но достаточно света, чтобы Цинь Мо увидел следы поцелуев на его теле. Яркие следы, словно красные сливы на белом нефрите, привлекали внимание и заставляли его дыхание сбиваться.

Он остановился и скрежетал зубами.

— Цинь Чжэн так тебя любит, что ты соглашаешься на это днём в офисе?

Шэнь Мяня видел ревность в его глазах и намеренно провоцировал его:

— Что поделать, твой брат гораздо искуснее тебя. Ты, как новичок, просто лезешь напролом, ничего не понимаешь, и каждый раз мне становится некомфортно. С ним я действительно получаю удовольствие, поэтому я соглашаюсь.

Цинь Мо холодно рассмеялся и вдруг притянул его к себе, схватив за голую ступню.

— И это тоже?

На лодыжке Шэнь Мянэ был ножной браслет, светящийся белым светом, с серебряной цепочкой, свисающей в сторону, подчёркивая изящность его лодыжки.

Цинь Мо спросил:

— И это ты согласился?

Шэнь Мянэ понимал, о чём он думал. Хотя Цинь Чжэн использовал это, чтобы он не сбежал, само устройство имело не совсем невинное назначение, и любой бы подумал, что это инструмент для «обучения», поэтому неудивительно, что Цинь Мо так разозлился.

Шэнь Мянэ молча кивнул.

— Мне нравится, тебе не нужно вмешиваться.

Цинь Мо кивнул и несколько раз сказал «хорошо». Он резко встал, словно сдерживая что-то, и вдруг, словно в ярости, разбил всё, что было в комнате.

Шэнь Мянэ слушал звуки разрушения, опустив голову и не произнося ни слова.

Он мысленно считал дни, и оставалось всего около месяца. Уровень симпатии застрял на одном месте, и теперь оставалось только пойти на риск.

Он разозлил Цинь Чжэна, чтобы тот ещё больше увлёкся им. Он разозлил Цинь Мо, чтобы тот почувствовал боль.

Цинь Мо, закончив, вышел из комнаты.

Спустя некоторое время Шэнь Мянэ сошёл с кровати и попытался открыть дверь, но она была заперта.

Он посмотрел на осколки стекла на полу и подумал, что это было опасно, чуть не наступил.

Он был босиком, Цинь Чжэн, чтобы он не сбежал, везде приковывал его длинной цепью, и, конечно, не предоставил ему обуви, чтобы он мог убежать.

Цинь Мо, забрав его, оставил на кровати, и здесь, конечно, обуви не было.

Шэнь Мянэ стоял босиком на полу, рядом с осколками стекла, в комнате с тусклой старой лампой.

Он улыбнулся.

— Что, если я случайно наступлю?

***

Цинь Мо вернулся поздно ночью, закончив съёмки, и к этому времени уже пришёл в себя.

Он вспомнил, как Шэнь Шубай проснулся и, увидев его, явно обрадовался. Позже он сказал эти колкие слова, вероятно, зная, что его использовали и обманули, и в гневе намеренно разозлил его.

Он злился на себя, потому что действительно ненавидел семью Цинь, и, услышав имя Цинь Чжэна из уст Шэнь Шубая, потерял обычную хладнокровность и легко поддался на провокацию.

Он открыл дверь, включил свет и огляделся, но замер.

Комната была такой же, как и когда он уходил, с разбитыми предметами на полу, а мужчина, которого он оставил на кровати, теперь сидел на полу, обхватив колени, рядом с осколками стекла, из его ступни текла ярко-красная кровь.

Цинь Мо шагнул вперёд, поднял его и, не обращая внимания на остальное, вынёс из хранилища, уложив на диван в гостиной.

Он достал аптечку, опустился на колени перед ним и начал обрабатывать рану.

Осколки стекла глубоко впились в плоть, и сердце Цинь Мо сжималось от боли. Его руки дрожали, и ему потребовалось время, чтобы успокоиться, прежде чем он смог аккуратно удалить осколки пинцетом.

Для Шэнь Мянэ это было виртуальное тело, которое скоро станет ненужным, и он мог отключить боль. Он использовал эту уловку, чтобы вызвать у Цинь Мо чувство вины, но не ожидал, что это так его напугает.

Закончив обработку, Цинь Мо всё ещё дрожал. Он опустил лицо на колени Шэнь Мянэ и тихо сказал:

— Прости, прости... Я не хотел, я не думал, что ты поранишься.

Шэнь Мянэ же сказал что-то совсем другое:

— Ты хорошо обрабатываешь раны.

Цинь Мо слегка удивился и, подняв глаза, ответил:

— После смерти матери госпожа Цинь перекрыла мне финансирование. Я был ещё несовершеннолетним и едва выживал, какое-то время я был связан с мафией, драки и раны были обычным делом, поэтому я научился обрабатывать простые раны.

Он не сказал, что он не просто был связан с мафией, но и что глава банды, который любил его мать, относился к нему как к сыну и готовил его в приемники. После того, как он разберётся с делами в Китае, ему всё равно придётся вернуться.

Именно поэтому он не стремился к активам семьи Цинь, он и так был наследником огромного состояния, и никогда не думал оставаться в Хайчэне.

Встреча с Шэнь Шубаем и увлечение этим мужчиной было для него неожиданностью.

Шэнь Мянэ улыбнулся, сжав губы.

— Се Цинь предупреждал меня, что ты скрытный, но я не поверил. Оказывается, ты скрыл от меня немало.

Цинь Мо молчал.

Шэнь Мянью сказал:

— Не стой на коленях передо мной и не притворяйся жалким. Сейчас заключённый — это я, и плакать должен я. Теперь я знаю твой план, и ты, конечно, непустишь меня. Ладно, я не уйду. Это мой дом, и мне некуда идти. Я хочу спать, не мешай мне.

Он оттолкнул Цинь Мо ногой и встал.

Цинь Мо поспешно обнял его, не давая двигаться, и почти умоляющим тоном сказал:

— Не двигайся, не двигайся, рана может открыться, будет больно...

Шэнь Мянью опустил глаза и насмешливо сказал:

— Тебе больно за меня?

— Мне больно. Больше всего я боюсь, что ты пострадаешь. Шэнь Шубай, я знаю, что ты мастер саморазрушения, ты любишь жертвовать собой, чтобы навредить другим, я не знаю, что с тобой делать, не заставляй меня, как Цинь Чжэн, заковать тебя в цепи.

Говоря о цепях, он взглянул на лодыжку Шэнь Мянью и снова стиснул зубы.

Он поднял Шэнь Мянью на руки.

— Не дёргайся, ты же хотел спать, я отведу тебя в твою комнату.

Шэнь Мянью спросил:

— Ты не боишься, что Цинь Чжэн найдёт меня?

— Ты думаешь, я боюсь Цинь Чжэна? Я просто хочу избежать лишних проблем, ведь это Хайчэн, территория семьи Цинь. Но, похоже, я ошибался, раз уж я забрал тебя, этого живого божества, проблемы неизбежны.

Говоря это с улыбкой, его глаза были полны нежности.

Уложив Шэнь Мянью в постель, Цинь Мо снова внимательно осмотрел рану, его сердце всё ещё сжималось от боли. Он почти благоговейно наклонился и поцеловал забинтованную ступню Шэнь Мянью.

<http://bllate.org/book/15553/1415011>